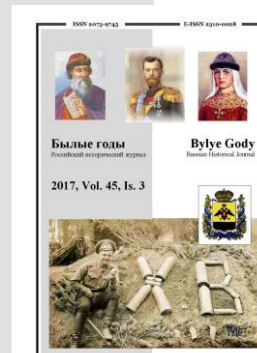

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 716-726, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.716
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

ARTICLES AND STATEMENTS

UDC 93(37)06:94(47)07

The Process of Adaptation of Traditional Society and Empire (on the examples of the Roman and Russian Empires, Kazakhs and Gallo-Germans)

Vyacheslav V. Gorovoy^{a, *}, Bakhytgul T. Tuleuova^a, Gulnara M. Smagulova^a,
 Gulnara Ye. Ibragimova^b

^a E.A. Buketov Karaganda State University, Kazakhstan

^b L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan

Abstract

The article examines the experiences of a comparative comparison of the interaction of traditional societies with the historically beginning and final for the second millennium empires. Such are the traditional societies of the Halo-Germans and the Kazakhs. The empire of the beginning one is the Roman Empire, the final one is the Russian Empire.

The adaptive characteristics of the Halo-Germans from Rome of the era of the empire are represented by historical conclusions. As for the Russian Empire and the traditional Kazakh society, the conclusions are based on the formation of market relations. The reasons for the adaptive interrelationship between the Roman Empire and the Gallo-Germanic people were the experience of conquest; the reasons for the interrelationships of the Russian Empire and the Kazakhs were the experience not only of the conquest, but also the establishment of market relations. The mechanisms of the adaptive relations of the Gallo-Germans and the Roman Empire were the image of the prosperity and crisis of the ancient slave-owning relations. The organism of the adaptive interrelation between the Kazakhs and the Russian Empire was progressively complicated by the development of cattle breeding and farming, the inclusion of Kazakhs not only in the administrative system of the Russian Empire, but also in the trade and economic scheme of interaction between the merchant class and the asset of the Kazakh society assimilating the novelty of the economy.

According to the authors' team, the main line of progressive comparison of the two adaptation schemes: Gallo-Germans and the Roman Empire; Kazakhs and the Russian Empire, has been planned. The primitivism of the civilizational nature of adaptation in slave-owning antiquity is replaced by the interest of the economic strata in the Russian Empire. At the same time, the authors consider the need for further comparison of adaptation schemes in the first and the second cases in terms of considering economic functions that appear more for the second adaptation scheme and weaker for the adaptive characteristics of the Gallo-Germanic and Roman empires.

Keywords: adaptation, Roman Empire, tribe and community, Russian Empire, Kazakhstan, management.

1. Введение

Неотъемлемой составляющей успешного развития любого общества является адаптация социума и его институтов к новым социально-экономическим условиям. Изучение опыта адаптации актуально в связи с развитием интереса к истории не только как борьбе классов, но и развитию

* Corresponding author

E-mail addresses: gylnara2005@mail.ru (V.V. Gorovoy), b_t_tuleuova@mail.ru (B.T. Tuleuova); gylnara2005@mail.ru (G.M. Smagulova), dilnura@mail.ru (G.Ye. Ibragimova)

общественного образа жизни в эволюционном контексте. Изучение проблем адаптации общества к процессам модернизации интересно также потому, что аналогичные процессы переживает и современный мир в условиях интеграции и глобализации, требующих хорошо и быстро адаптирующегося типа сознания. В связи с этим, на наш взгляд, возникает необходимость осмысления исторического опыта адаптации традиционных обществ, в том числе в рамках имперской традиции на примере Римской и Российской империй. С одной античной Римской империи начинается история империй, другой – заканчивается история имперско-политического развития.

В Римской империи было два этапа адаптации: римско-галльский и римско-германский. В римско-галльский этап входит адаптация народов – галлов и иберов – живущих северо-западнее и западнее Италии. В этом адаптационном процессе преобладает перспектива освоения галлов и иберов на базе создания общества перемещенцев, которые воспринимают римские порядки из-за более тесного исторического сотрудничества с римлянами, в том числе и во времена Римской республики. Римско-германский период или этап продолжается двумя процессами – борьбой римлян и германцев с переходом к противостоянию-сотрудничеству из-за того, что германцы более отсталые, чем галлы и иберы. В данном ключе адаптация римлян и германцев неустойчива при продвижении остальных германских племен с востока на запад. Она принимает форму переселения народов и, в конечном счете, прекращается на политическом уровне.

В экономическом плане процесс адаптации варварских племен продолжал свое развитие. В результате распространения Римской империи вглубь Европы шел активный процесс освоения варварскими племенами земледельческих и животноводческих культур Рима. Так в середине I в. до н.э. «земля у них (германцев) не поделена в частную собственность, и им нельзя более года оставаться на одном месте». Земледелие было переложным. Гораздо большее значение имели охота и скотоводство. Германцы не были вполне оседлым народом и могли часто менять свое местожительство». Но уже в конце I в. н.э. «германские племена... в земледелии стали использовать плуг с железным лемехом, начинало распространяться известкование почвы. Однако главную роль... продолжало играть скотоводство. Некоторое значение имело ремесло (добыча металлов, кузнечное, гончарное дело, ткачество и т.д.)» (Полянский, Жамин, 1986: 60).

В сравнительном плане с предыдущим процессом интересен исторический опыт адаптации традиционного казахского общества к рыночным, капиталистическим условиям второй половины XIX – начала XX веков. В этот период, испытывая сильное воздействие внешних факторов, на основе внутренних тенденций саморазвития и саморегуляции, способности к адаптации к новым условиям, хозяйство Степного края заняло важное место в экономике Российской империи, что нельзя сказать о низовом уровне галльского хозяйства по отношению к Римской империи. В древнем Риме эпоха империи кочевничества представлена людьми и называется миграцией (переселением). Оно не было основано на скотоводстве.

Адаптация казахского общества к рыночным условиям в разных регионах в зависимости от специфики природно-климатических и хозяйственно-культурных условий происходила в своеобразной форме. Многообразие хозяйственных типов, полиэтничность и приверженность населения Российской империи к различным культурным системам актуализирует и выводит на первый план необходимость изучения региональных особенностей развития рыночных отношений и адаптационных процессов, в том числе и в Центральном Казахстане. Для Римской империи в региональном плане чем-то похожим была восточная Испания и цизальпинская Галлия.

2. Материалы и методы

В качестве методологической основы исследования был избран системный подход, а также принципы историзма и объективности. Это позволило проанализировать и осмыслить характер развития традиционных хозяйств в условиях Римской и Российской империй как процесс адаптации к новым условиям. Системный подход также дает возможность рассматривать в комплексе вопросы воздействия внешних факторов на развитие традиционного хозяйства, выявить особенности и динамику изменений местных племен и народов к внешним вызовам. Кроме этого, в статье использовались методы сравнительно-исторического анализа и обобщения.

Источниковую базу исследования составили документы архивных фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан и государственного архива Омской области Российской Федерации, а также материалы периодической печати конца XIX – начала XX веков.

3. Обсуждения

Сравнительный анализ взаимодействия традиционных обществ с империями был проведен в ряде работ зарубежных исследователей, которые с разных позиций обращались к историческому опыту Римской империи как одной из первых. Так, Джейн Бербанк и Фредерик Купер в своей работе «Empires in World History: Power and the Politics of Difference» проводят сравнительный анализ империй, находящихся на закате истории, исследуют процесс падения империй из-за военного поражения (Burbank, Cooper, 2010). Тимоти Парсонс в работе «The Rule of Empires», проводя сравнительное изучение империй и их отношений к своим колониям, делает вывод о том, что успех всех империй основывается на сырьевой экспансии, что относится и к Римской, и к Российской

империям (Parsons, 2010). Проблема взаимоотношений империи и традиционного общества, с нашей точки зрения, не заканчивается, а продолжает изыскания вышеуказанных авторов, расширяя спектр проблемных исследований посредством изучения различных процессов, в том числе и адаптации.

В данной статье наряду со ставшими привычными в современной исторической науке понятиями – «трансформация», «модернизация», предпочтение отдается понятию «адаптация». По нашему мнению, применительно к традиционным обществам, в том числе и к казахскому обществу второй половины XIX – начала XX веков использование понятий «трансформация как преобразовывать, изменять вид, форму, существующего свойства чего-либо», «модернизация – изменение чего-либо в соответствии с современными требованиями, вкусами (ему тождественно слово – современный)» (Большой словарь, 2000: 1036) не вполне оправданно, так как не отражает реального развития рыночных тенденций в казахской степи. Термин же «адаптация, означающее приспособление к изменяющимся условиям существования, обстановке, среде при сохранении основных характеристик» позволяет более полно и точно охарактеризовать процессы, протекавшие в развитии казахского общества исследуемого периода.

В казахстанской исторической науке понятие «адаптация» является одним из новых. Поэтому академик М. Козыбаев, определяя основные направления развития отечественной историографии, отмечал, что одной из важных тем исследований должна стать «проблема социокультурного обмена, способов адаптации к внешней действительности и особенностей трансформации традиционных элит кочевого общества в условиях колониального периода» (Козыбаев, 2000: 25). В начале первого десятилетия XXI века в работах казахстанских исследователей (Х.М. Абжанов и др.) получает распространение тезис о том, что конец XIX – начало XX веков – это «абсолютно неизбежный период адаптации традиционных обществ к рыночным условиям», «время вызревания конкурентноспособных элементов национальной рыночной экономики, постепенного становления социального слоя национальных предпринимателей...» (Абжанов, Селиверстов, 2004: 8-9). Другие ученые, на основе анализа изменений, происходивших в экономике казахского общества во второй половине XIX – начале XX веков, делают вывод о том, что основной составляющей характеристикой развития кочевого социума исследуемого периода на фоне рыночных отношений является адаптация. Б.Т. Тулеуова, рассматривая хозяйственные процессы второй половины XIX – начала XX веков, характеризует их как постепенную адаптацию казахского общества к рыночным отношениям, которая проявлялась в товаризации скотоводства, распространении земледелия и сенокосения, появлении слоя предпринимателей и становления института частной собственности на землю, в изменении быта и образа жизни казахов (Тулеуова, 2012: 72).

Зарубежные исследователи также рассматривают традицию как явление развивающееся, способное приспосабливаться к новым условиям жизни. Так, С. Айзенштадт подчеркивает, что «традиция обнаруживает адаптивные потенции, изменяясь по мере приспособления к меняющимся условиям» (Осипова, 1985: 97). Более того, зарубежные исследователи отмечают, «традиция может оказывать позитивное воздействие на процесс модернизации, а может – препятствовать ему, равно как и процесс модернизации может приводить к ослаблению влияния традиции, а может и способствовать ее усилению» (Лурье, 1999: 22).

Из зарубежных исследователей особо следует выделить идеи французского историка Ф. Броделя, в частности, его концепцию возникновения и эволюции рыночной экономики в мировой истории, в европейских и азиатских странах (Бродель, 1992: 93). По мнению Ф. Броделя, развитие рыночной экономики в XV–XIX веках происходило на основе «материальной цивилизации», под которой он подразумевает традиционные формы хозяйства и общества. Рыночная экономика включала в свои структуры традиционное хозяйство, не разрушая, а адаптируя его. И адаптированные рыночные формы существовали наряду с самыми развитыми формами капитализма. По сути, концепция Ф. Броделя заключается в том, что традиционная материальная цивилизация (в адаптированном виде), рыночная экономика и капитализм являются не только тремя последовательными стадиями (как в марксизме), но и в значительной степени параллельными и пересекающимися линиями развития хозяйства и общества. Теоретических изысканий по адаптации галлов и германцев на экономической специализированной основе нет. Данная статья является попыткой компаративистского сравнения взаимодействия традиционных обществ с начинающей и завершающей империями.

4. Результаты

В 1860–1890-х годах завершилась колониально-континентальная интеграция Казахстана в состав Российской империи. Данный процесс повлек за собой серьезные изменения в политическом, экономическом и социальном развитии региона. В административном отношении были унифицированы ранее созданные органы управления краем и выработана единая система государственно-административного управления на всей территории Степного края. С утверждением государственно-административной системы управления в регионе были созданы условия для введения регулярного налогообложения казахского населения, в результате которого обеспечивалась непрерывная связь низовых структурных звеньев общества с институтами верховной власти государства.

В законоположениях официальных властей решались также вопросы землевладения. В статье 211 говорится о том, что «признаются землевладельцами на праве полной собственности лица, имеющие на владение землею узаконенные акты» (Сулейменов, 1963: 96-97). Таким образом, вопросы казахского землевладения решались на основании ранее выданных документов о праве личной собственности на землю. Но «прежний вольный киргиз ничем и никем не мог быть стеснен в своих желаниях зимовать и летовать где он хочет» (Катанаев, 1895: 28). Поэтому, по замечанию управляющего Заборовского, с 1822 по 1868 годы казахи не воспользовались правом наследования земли как недвижимой собственностью, которое предоставлялось им при условии занятия хлебопашеством, так как им не свойственно было понятие о личной собственности (ЦГА РК. Ф. И-501. Оп. 2. Д. 115. Л. 2, 20б.). Соответственно, так как у большей части казахского населения отсутствовало зафиксированное в документах право собственности на землю, российское правительство получило формальное основание для объявления земель казахского общества государственной собственностью.

Вместе с тем реформы 1867-1868 годов предусматривали возможность приобретения казахами права на владение землями, жилыми и хозяйственными строениями при условии занятия земледелием и перехода в оседлое состояние. В это время оседание происходило не просто отдельными семьями или бедными аулами, факты которого можно было встретить уже с конца XVIII в., а целыми родами. Как говорилось в официальных письмах, «для киргиз же, которые изъявляют желание заниматься земледелием, должны изыскиваться особые участки... внутри степи, в местностях, особенно благоприятствующих занятию хлебопашеством. Размеры эти должны быть в зависимости от числа желающих занять ту или иную местность, причем на каждую рабочую душу положить надел 15-ти десятин» (ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15213. Л. 140б.). Такая поддержка российской администрации стала играть важную роль в определении статусности социально-политической группы. Многие ранее бывшие слабыми роды, получив поддержку колониальных властей, становились политически выше сильных кочевых родов, а, пользуясь льготами и иногда «ножницами цен», и экономически сильнее их.

В целом, в реформах 1860-х гг. вопрос о праве владения казахским обществом землею тесным образом был связан с политикой оседания и прикрепления казахов к земле. Положение 1886 года еще более жестко подошло к вопросу определения прав оседлого и кочевого населения. Если статья 270 гласит о том, что «государственные земли предоставляются в бессрочное пользование кочевников, на основании правил и обычаев сего положения, то статья 279 дополняет, что, только переходя в оседлое положение, казахи получают право закрепления за собой обрабатываемых земель на тех же основаниях, на каких ею пользовались оседлые крестьяне (Абдрахманова, 1998: 78-79).

Как видно, переход к оседлому состоянию и занятие земледелием создавали определенные условия казахскому обществу для закрепления земли как фактической собственности: «Земли, отведенные для хлебопашества переходят в наследственное пользование, доколе будут возделываться, с прекращением же на них хлебопашества возвращается в общественное владение» (ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4864а. Л. 1940б.). Это стало причиной того, что в конце XIX – начале XX века происходил весьма своеобразный процесс – развитие земледельческой культуры ради закрепления права на землю. По замечанию А. Кауфмана, «киргизы пахали только для вида, посеянного хлеба даже не убирали» (Ядринцев, 1892: 55).

В 1891 году российское правительство в целях укрепления своей власти в Казахстане издает так называемый «Степной закон», в котором особое внимание уделяется расширению контроля России над использованием земли. Данный документ еще раз подтвердил принцип государственной собственности на землю. В отчете Степного генерал-губернатора Г.А. Колпаковского за 1897 год отмечается, что на «основании, утвержденного 25 марта 1891 года Степного Положения, земли, занятыми киргизскими кочевьями, хотя и признаются государственной собственностью, но оставляются в бессрочном общественном пользовании кочевников в пределах фактического владения, причем каждый кочевник имеет право на участке, отведенном в его пользование для зимового стойбища, обрабатывать землю, разводить сады, огороды и возводить жилье и хозяйственные постройки. Земли, обработанные, а равно занятые постройками и насаждениями, переходят по наследству, доколе земля возделывается или существуют строения и насаждения» (Кусайынулы, 2001: 91).

Таким образом, административно-земельные реформы Российского государства, носившие ярко выраженный колониальный, имперский характер, вводили принципы государственной собственности на землю в казахской степи, единого налогообложения, поощряли расхищение земель применительно к интересам переселенческого и казачьего населения. В Римской империи земля по праву захвата была собственностью римлян. Осуществлял активность в этой среде римский император, обладавший *tribunicia potestas* – властью от римского народа. Права местного населения на землю еще ограничивалась назначенными чиновниками и военными.

Изъятие земельных площадей под заселение и другие государственные надобности, нарушало естественное развитие казахского скотоводческого хозяйства и искусственно создавало земельное утеснение. Это вызывало недовольство со стороны кочевников, которое нередко выливалось в открытые столкновения с чиновниками.

Следует отметить, что практические подходы Российского правительства по вопросам землепользования имели под собой теоретические основы. Наряду с мнениями о зависимости форм хозяйствования от климатических и почвенных условий, возникают в российской общественно-экономической мысли теории, отвергающие принципы исторической географии. В их основе лежал географический нигилизм, приведший в результате к мысли о прогрессивности скорейшего перевода кочевников на оседлость. В конце XIX века подобные теории стали необходимыми для оправдания переселения земледельческого элемента на территорию Казахстана, позже, в начале XX века они использовались для перевода кочевников на оседлость по земледельческим нормам в целях увеличения колониального фонда. Так, практические подходы по внедрению земледельческого элемента на территории Казахстана были подкреплены теорией «сухого земледелия». Следование идее успешной борьбы с засухой при помощи соответствующих приемов обработки почвы имело результатом продвижение русской земледельческой колонизации на юг (Ибрагимова, 2006: 78-79). По этому поводу М. Сириус отмечал, что Переселенческое управление «нарезало переселенческие участки даже южнее 49,5 с.ш. В Западном Казахстане судьба этих переселенческих хозяйств далеко не завидна, а от некоторых из этих поселков не осталось и следа» (Сириус, 1928: 16). С целью оправдания переселения на территорию Казахстана была использована и теория «земельной тесноты», приверженцы которой связывали с царской колонизацией развитие производительных сил в сельском хозяйстве Казахстана. Среди сторонников данной теории – С. Горбунов, П. Хворостанский и др. (Журнал Сопровождения, 1907: 40; Хворостанский, 1907: 77). Они полагали, что в результате уменьшения земель казахское население перейдет к земледелию. Таким образом, переселение по этой теории признавалось прогрессивным фактором.

В свою очередь, процесс изъятия земель в крае породил у казахского населения желание закрепить за ними земельные участки, находящиеся в их владении. Во многих районах Степного края, особенно там, где активно развивалось земледелие и ощущался недостаток пригодной земли, казахи обращались к местным властям с прошениями об отводе земли с желанием строить постоянные жилища, заниматься хлебопашеством, сенокосничеством (Сулейменов, 1963: 176-162).

Так, несмотря на введение ограничений со стороны администрации в праве пользования традиционными пастбищами, пашнями и сенокосами, казахское общество сумело приспособиться к новым порядкам. Более того, наоборот, землеустройство казахов постепенно способствовало укреплению у них понятия о собственности на землю как важном источнике их материального благосостояния. Как отмечает С.Н. Малтусынов, «в традиционных представлениях кочевников о земле была пробита брешь: формируется прагматический взгляд на землю как на вещь, появляется понятие об индивидуальной собственности на землю» (Малтусынов, 2006: 93).

В целом имперская административно-земельная политика положила предел традиционному развитию казахского общества. «Заселение степи русскими переселенцами и вовлечение ее в мирную торговлю, которая начала в усиленном темпе развиваться с проведением железнодорожных машин, – указывает В.А. Тресвятский, – не могли не произвести переворота в хозяйственной жизни киргиз. Натуральное скотоводческо-кочевое хозяйство киргиз стало превращаться в товарно-денежное, а возникшие капиталистические отношения раскололи киргизский народ на новые экономические классы, не имеющие ничего общего со старыми родовыми группами» (Тресвятский, 1917: 71). Поэтому если ранее казахскому народу, как и всем кочевым народам, было присуще понимание полной свободы по отношению к земле, то в рассматриваемый период на смену старым родовым началам в казахском хозяйстве приходят новые экономические явления, свидетельствующие об эволюции родового строя в Степном крае.

Во второй половине XIX – начале XX веков в Казахстане во время казачьей, а затем крестьянской колонизации, распространения рыночных отношений имело место сокращение пастбищных земель на фоне увеличения численности населения и роста численности скота. Это препятствовало дальнейшему развитию экстенсивного кочевого скотоводства и заставляло казахское общество приспосабливаться к новым условиям, переходить к более регулярному и интенсивному использованию степных пастбищ. В местностях с более благоприятными естественными условиями – богатыми пастбищами и обильными сенокосными угодьями – процесс этот выражался в сокращении кочевков, появлении и постепенном распространении сенокосения, переходе к зимнему содержанию скота на сухом корме и увеличении продолжительности пребывания на зимних стойбищах.

Вместе с тем картина чисто скотоводческого хозяйства в исследуемый период дополнялась усилением роли земледелия, которое проникало в Казахстан с юга – от земледельческих народов Центральной Азии, и с севера – от русского населения.

Анализируя изменения в казахском обществе в начале XX веков, В.А. Тресвятский замечает, что «процесс развития киргизского хозяйства выражался в устройстве постоянных зимних жилищ, затем развитии сенокосения и земледелия. В связи с этим наблюдалось сокращение перекочевков во времени и пространстве, удлинении срока пользования призимовочными пастбищами и более интенсивное зимнее содержание скота. Теперь немало киргизских общин, сохранивших только видимые формы кочевого быта; круглый год они возвращаются около своих зимовок, откочевывают на лето не более 5–6 верст, зимою держат на подножном корму только гулевых лошадей, овец же,

рогатый скот и рабочих лошадей кормят всю зиму сеном, причем все почти занимаются земледелием» (Тресвятский, 1917: 66).

Во второй половине XIX – начале XX веков основной формой жизнедеятельности казахского общества являлось кочевое скотоводческое хозяйство, которое было наиболее адаптировано к местным региональным природно-климатическим условиям. В результате земельной и переселенческой политики Российского государства в казахской степи, повлекшей за собой изъятия огромных земельных пространств из скотоводческого хозяйственного оборота, распространения оседлой земледельческой культуры, в условиях рынка кочевое хозяйство стало приспособливаться к изменившимся социально-экономическим обстоятельствам. Это нашло свое проявление в изменении структуры традиционного стада, распространении интенсивных форм ведения хозяйства и новых методов развития скотоводства.

Состав стада кочевого казахского хозяйства издавна строго подчинялся естественным условиям и общему строю хозяйства. Наибольший процент принадлежит мелкому рогатому скоту, который наиболее приспособлен к климату южных сухих пустынных областей и довольствуется незначительной растительностью. Большую роль в хозяйстве играют лошади и верблюды, которые легко переносят большие переходы и охотно съедают различные кустарниковые и травянистые растения, непригодные для других видов скота. Процент крупного рогатого скота незначителен, так как он менее приспособлен к далеким переходам.

Аналогичная тенденция роста крупного рогатого скота, наиболее востребованного на рынках России и Европы, была характерна не только для экономики Евразийского региона, но и прослеживается в истории хозяйства других народов, например Франции. Если в конце XVIII века здесь имеется более 1,7 млн лошадей и от 6 до 7 млн быков, то в 1862 году насчитывается около 3 млн лошадей и около 13 млн быков, то есть наблюдается резкое увеличение поголовья крупного рогатого скота, что также объяснялось увеличением потребления мяса (Бродель, 1997: 36).

Введение нового административного устройства в Степном крае, и самое главное объявление государственной собственностью всех казахских земель серьезно отразилось на состоянии скотоводства в степных областях региона. Однако, развиваясь согласно существующим традициям и еще не испытывая сильного влияния новой оседло-земледельческой культуры, скотоводство Центрального Казахстана продолжало развиваться в количественном отношении и сумело занять достойное место в экономике Российского государства и всего Евразийского региона.

В Римской империи после ослабления потенциала иберов и галлов в III веке н.э. активизировалось предоставление полей для германских племен, более приспособленных к жизни в пределах Римской империи.

Изменение административной и экономической ситуации в регионе, периодические джугты, падежи скота от хищных животных и болезней, распространение рыночных отношений вынуждали не только обедневшую часть казахского общества, но и представителей богатых слоев населения обращаться к земледелию, сенокосению.

Большую роль в развитии земледелия сыграло оседло-земледельческое население Центрального Казахстана, численность которого, хотя и медленно, но неуклонно росла.

Следовательно, в Казахстане во второй половине XIX – начале XX веков «картина чисто-скотоводческого хозяйства нарушается появлением земледелия, которое проникает в степь двумя путями: с юга – от земледельческих племен Центральной Азии, и с севера – от русских» (Отчет о деятельности, 1899: 24). В казахской степи, где ранее господствовала чисто кочевая скотоводческая культура, хозяйство казахов начинает дополняться новыми формами экономического развития.

В Римской империи «поля» предоставлялись за счет галлов, кочевничество как германская традиция теснило земледельческий уклад в галльском варианте.

Характерной особенностью распространения земледельческой культуры среди кочевого населения Казахстана во второй половине XIX века – начале XX веков являлось то, что в условиях сокращения традиционных пастбищных земель казахи, не имея кормовых источников и возможностей свободного выпаса, начинали заниматься земледелием для поддержания традиционного скотоводческого хозяйства и увеличения поголовья своего стада. «Началом введения земледелия в казахские степи должен рассматриваться тот период, когда богатые казахи вынуждены были искать дополнительный корм для своих поголовий скота, только лишь с этого периода земледелие становится постоянным» (Олкотт, 1997: 320). В связи с этим одним из первых традиционных видов выращиваемых злаков в казахском хозяйстве является овес.

Вместе с тем необходимо отметить, что земледельческая культура в центральной части Казахстана получила свое развитие сравнительно поздно – во второй половине XIX века, по причине слабой заселяемости региона русским населением, отдаленности от центров, высокого процента казахского населения.

Традиция земледельческой культуры в казахском хозяйстве Центрального Казахстана, несмотря на относительную молодость, получила хорошее развитие. Даже в южных волостях Атбасарского уезда, где сохранилось традиционное кочевое скотоводство, в 1890-е годы можно было, как отмечают исследователи того времени, встретить «возделанные поля пшеницы, ярицы и ячменя, эти поля орошаются арыками, которые наполняются водою из ключа, неурожая при этих условиях не

бывает» (Шмидт, 1894: 2). Данный факт свидетельствует о больших достижениях казахского хозяйства в условиях рискованного земледелия.

Прекрасное знание местности, особенностей климата и почв позволило казахам во второй половине XIX – начале XX веков соперничать с крестьянским и казачьим населением. В материалах XIX века отмечается, что «ни один из кочующих в Сибири народов не может сравниться в успехах хлебопашества с киргизами. Трудолюбие их самую сухую песчаную землю обращает в плодородную» (Хозяйство казахов, 1980: 164).

Если крестьяне-переселенцы помогали овладевать казахам навыками подъема степей, то казахи помогали переселенцам овладевать опытом поливного земледелия. Причем было удивительным, что кочевники-казахи, особенно беднейшая их часть, среди родственной природы нашли возможность привить земледельческую культуру там, где слабые попытки станичников и поселенных солдат окончились неудачей. Объяснением тому было подневольное поселение, незнание особенностей поливного земледелия, несение службы и полубоевая обстановка среди малоизвестной природы. Урожай кочевого населения в конце XIX века были намного выше и лучше урожаев у русского населения, «ибо киргизские пашни пользовались искусственным орошением, тогда как русские пахари не устраивают арычной системы для их орошения своих полей (Обзор, 1889: 8).

Галльские пашни и обучение им будущих германских аллодистов были улучшаемы за счет удобрений. Поливного земледелия не было.

Вместе с тем земледельческие участки можно было встретить и в хозяйствах казахов, которые сами пренебрежительно относились к труду пахаря, но употребляли труд бедных за малое пропитание (Хозяйство казахов, 1980: 163).

В материалах Государственного архива Омской области в рукописи начала XX века по казахскому землепользованию Акмолинской области отмечается, что «первое и второе сословие (богачи и бедняки) живут непредприимчиво. Среднее же, находясь в большем общении с торговыми, бьющими жизнью пунктами, подчиняются изменяющимся условиям, знакомятся с новыми прежде чуждыми для них задачами, почему и разительно отличаются от первой и последней категории: они вырабатывают из себя совершенно новый тип кочевника» (ГАОО. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 3. Л. 237).

Следовательно, крепкие средние хозяйства казахов, развивая товарное скотоводство, меняли свою психологию и оказывались наиболее восприимчивыми к переменам, что находило свое отражение в приобщении их к иным видам деятельности. «Такой кочевник, не меняя пока еще укоренившихся обычаев, нравов, меняет свои воззрения, привычки, условия жизни. Сталкиваясь с хлебопашцами, они заимствуют у них веру в почвенную силу земли, заимствуют способы обработки ее. Такой кочевник явился благодарным последователем новой культуры» (ГАОО. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 3. Л. 238об.). Данное высказывание не умаляет значимости традиционного хозяйства, и вместе с тем доказывает высокую адаптивную способность казахского общества в рыночных условиях.

Поэтому можно сказать, что развитие хлебопашества среди кочевого населения не только не привело к сокращению поголовья скота, а, напротив, стимулировало скотоводство. На эту взаимосвязь также указывали чиновники, обследовавшие Акмолинскую область в 1910 году, которые писали: «Как ни странно, но с расширением размеров посевных площадей, а, следовательно, с уменьшением числа кочующих хозяйств увеличилось количество скота и площади сенокосов. Все это вместе взятое выгодным образом отражалось на экономическом положении населения уезда» (Сундетов, 1970: 36).

Однако новые традиции, формы хозяйствования перенимались местным населением достаточно сложно. Так, акмолинский уездный начальник в 1892 году в своем рапорте Степному генерал-губернатору о возможности среди казахов, особенно бедняков-джатаков, образовывать селения, отмечал, что «киргизы отрицают всякую возможность допустить в своей среде оседлые поселения по причине неимения удобных мест, и их нежеланием оставить кочевой образ жизни» (ЦГА РК. Ф. И-369. Оп. 1. Д. 4895. Л. 163). Это свидетельство подтверждает то, что в центральной части Казахстана вплоть до начала XX века основной образ жизни казахского населения был связан с кочевым скотоводством.

Поэтому российские исследователи начала XX века отмечали, что переход к новым формам хозяйствования в традиционном обществе должен быть поэтапным и постепенным. «Не следует забывать, – указывает Л. Чермак, – что переход от экстенсивного скотоводства к чисто земледельческому хозяйству и даже мелкие улучшения в хозяйстве, как, например: внедрение усовершенствованных орудий, машин, способов обработки почвы, растений, даются с трудом и требуют много времени. Тем более труден и долговременен переход для киргиза от первобытных форм кочевого скотоводства к оседлому земледельческому труду. Такой переход может быть осуществлен лишь постепенно, в более долгий срок, если предоставить все естественному ходу дела, и в более короткое время, если облегчить этот переход путем ряда соответствующих мероприятий» (Чермак, 1908: 7-8).

С мнением ученого соглашались и официальные власти: «Основываясь на отсутствии желания киргизских обществ образовывать оседлые селения даже при предложении условий не оставлять кочевого образа жизни летом, можно сделать вывод о том, что только течение времени, а главное

колонизация края русскими и живой пример могут заставить киргиз переходить к оседлой жизни» (Чермак, 1908: 8-9).

Поэтому именно развитие скотоводства, а не земледелия, как в других областях Казахстана, позволило казахскому обществу в новых экономических условиях суметь не просто выжить, а занять достойное место в экономике Российского государства.

5. Заключение

В условиях Центрального Казахстана в составе Российской империи наиболее приемлемой формой хозяйства можно считать смешанное, где важное место принадлежит скотоводству, так как естественно-исторические условия региона непригодны для повсеместного земледелия. Как замечается дореволюционными исследователями: «здесь должен выработаться совершенно особый, своеобразный тип хозяйства, в котором земледелие и скотоводство будут целесообразно сочетаться, в котором выгодно будут использоваться и выпасные угодья, и пригодные для пахоты и сенокосения места, в котором найдет себе место оседлое земледельческое скотоводство с кратковременным и недалеким отгоном скота на летние пастбища, но без подножного кормления зимой. Тип этот уже намечается, к нему приблизились киргизы» (Район железной, 1914: 123).

Напротив, оба варианта адаптации галло-иберов и галло-германцев в составе Римской империи не имели социально-экономической поддержки, обладали лишь военным и социально-экономическим потенциалом с уступкой кризисно-античного рабства в пользу колоната. Модернизация с V–VII вв. нашей эры в данной местности, скорее всего, связана с идеологией «moderni», то есть «новые», как себя называли приверженцы новой религии – христианства.

Однако это уже было условие становления священной Римской империи немецкой нации – средневекового государственно-политического образования, основанного на феодальных социально-экономических отношениях.

В целом по проблеме, отраженной в статье, надо заметить, что проблема адаптации в компаративистском ключе для Российской и Римской империи по вопросам включения галло-германцев в Римскую империю и казахов в Российскую империю представляется нам довольно интересной и заслуживает дальнейшего изучения.

Литература:

- Абдрахманова, 1998 – Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана: Полиграфия, 1998, 136 с.
- Абжанов, Селиверстов, 2004 – Абжанов Х.М., Селиверстов С.В. Критическое столетие: размышления историков // Мысль. 2004. № 2. С. 6-12.
- Большой словарь, 2000 – Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- Бродель, 1992 – Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. М.: Прогресс, 1992. Т.3. 679 с
- Бродель, 1997 – Бродель Ф. Что такое Франция. Кн. 2. Ч. 2. Крестьянская экономика до начала XX века. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. 511 с.
- ГАОО – Государственный архив Омской области.
- Журнал Сопещения, 1907 – Журнал Сопещения о землеустройстве киргиз. СПб.: Тип. МВД, 1907. 145 с.
- Ибрагимова, 2006 – Ибрагимова Г.Е. Землеустройство казахского населения в первой трети XX века: теория и практические подходы. Караганда: Изд-во КарГУ, 2006. 318 с.
- Катанаев, 1895 – Катанаев Г. Возможно ли при существующих знаниях и данных о Сибири определить количество свободных, годных и удобных земель для колонизации // Записки ЗСИРГО. Книжка XVIII. Выпуск II. Омск: Типография Окружного Штаба, 1895. С. 28.
- Козыбаев, 2000 – Козыбаев М. Казахстан на рубеже веков. Кн. 1. Память народа. А.: Ылым, 2000. 418 с.
- Кусайынулы, 2001 – Кусайынулы К. Читая документы о казахстанско-российских отношениях XVIII–XIX веках. Алматы: Данекер, 2001. 140 с.
- Лурье, 1999 – Лурье С.В. Евразия: проблемы соседства культур и межкультурного взаимодействия // Вестник Евразии. 1999. № 1-2. С. 20-37.
- Малтусынов, 2006 – Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России. 1906-1917 гг. (Социокультурный подход). Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 332 с.
- Обзор, 1889 – Обзор Семипалатинской области за 1888 год. Семипалатинск, 1889. С. 46.
- Олкотт, 1997 – Олкотт М.Б. Казахи // Из истории казахов. Составитель Е. Аккошкаров. Алматы: Жалын, 1997. С. 303-336.
- Осипова, 1985 – Осипова О.А. Американская социология о традициях в странах Востока. М.: Наука, 1985. 235 с.
- Отчет, 1899 – Отчет о деятельности Западно-Сибирского отдела РГО за 1898 год. Омск: Тип. Окр. Штаба, 1899. 32 с.

- Полянский, Жамин, 1986** – Экономическая история капиталистических стран / Под ред. Ф.Я. Полянского, В.А. Жамин. М.: Изд-во Московского университета, 1986. 358 с.
- Район железной, 1914** – Район железной дороги Спасский завод – Пишпек в экономическом отношении. СПб: Тип. А.Ф. Дресслера, 1914. 270 с.
- Сириус, 1928** – Сириус М. К вопросу о наиболее рациональном направлении сельского хозяйства в Северном Казахстане // *Народное хозяйство Казахстана*. 1928. № 6-7. С. 15-36.
- Сулейменов, 1963** – Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начала XX веков (1867-1907 гг.). Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. С. 176-162.
- Сундетов, 1970** – Сундетов С.А. О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана на материалах северо-восточных областей. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1970. 127 с.
- Тресвятский, 1917** – Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. 1. Степной край. Составитель В.А. Тресвятский. Пг., 1917. 135 р.
- Тулеуова, 2012** – Тулеуова Б.Т. Адаптация казахского общества Центрального Казахстана к рыночным условиям во второй половине XIX – начале XX веков. Караганда: Изд-во КарГУ, 2012. 193 с.
- Хворостанский, 1907** – Хворостанский П. Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи // *Вопросы колонизации*. 1907. № 1. С. 53-103.
- Хозяйство казахов** – Хозяйство казахов на рубеже XIX-XX вв. (Материалы к историко-этнографическому атласу). Под ред. Г.В. Дахшлейгера. Алма-Ата: Наука, 1980. 254 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Чермак, 1908** – Чермак Л. Формы киргизского землепользования // *Сибирские вопросы*. 1908. № 41-42. С. 4-11.
- Шмидт, 1894** – Шмидт Ю. Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской округе // *Записки ЗСО РГО. Книжка XVIII*. Омск: Тип. Окруж. Штаба, 1894. С. 1-149.
- Ядринцев, 1892** – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. С-Пб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1892. С. 55.
- Burbank, Cooper, 2010** – Burbank J., Cooper F. Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton: Princeton Univ. Press, 2010. 528 p.
- Parsons, 2010** – Parsons T. The Rule of Empires. Oxford. Oxford Univ. Press, 2010. 496 p.

References

- Abdrakhmanova, 1998** – Abdrakhmanova B.M. (1998). Istoriya Kazakhstana: vlast', sistema upravleniya, territorial'noe ustroystvo v XIX veke [History of Kazakhstan: power, management system, territorial structure in the XIX century]. Astana: Poligrafiya, 136 p. [in Russian].
- Abzhanov, Seliverstov, 2004** – Abzhanov Kh.M., Seliverstov S.V. (2004). Kriticheskoe stoletie: razmyshleniya istorikov [Critical Century: Historians' reflections]. *Mysl'*. № 2. pp. 6-12 [in Russian].
- Bol'shoi slovar', 2000** – Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [A great explanatory dictionary of the Russian language]. Pod red. Kuznetsova S.A. SPb: Norint, 2000. 1536 p. [in Russian].
- Brodel', 1992** – Brodel' F. (1992). Vremya mira. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm. XV-XVIII vv. [The Time of Peace. Material civilization, economics and capitalism. XV–XVIII centuries]. М.: Progress. Т. 3. 679 p. [in Russian].
- Brodel', 1997** – Brodel' F. (1997). Chto takoe Frantsiya. Kn.2. Ch.2. Krest'yanskaya ekonomika do nachala XX veka [What France is. Book 2. Part 2. Peasant economy before the beginning of the twentieth century]. М.: Izd-vo im. Sabashnikovykh. 511 p. [in Russian].
- Burbank, Cooper, 2010** – Burbank J., Cooper F. (2010). Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton: Princeton Univ. Press. 528 p.
- GAOO** – Gosudarstvennyi arkhiv Omskoi oblasti [The State Archive of the Omsk region]
- Zhurnal Soveshchaniya, 1907** – Zhurnal Soveshchaniya o zemleustroystve kirgiz. 145 p. [Journal of the Meeting on the Land Management of the Kirghiz]. SPb.: Tip. MVD, 1907. 145 p. [in Russian].
- Ibragimova, 2006** – Ibragimova G.E. (2006). Zemleustroystvo kazakhskogo naseleniya v pervoi treti XX veka: teoriya i prakticheskie podkhody [Land management of the Kazakh population in the first third of the twentieth century: theory and practical approaches]. Karaganda: Izd-vo KarGU. 318 p. [in Russian].
- Katanaev, 1895** – Katanaev G. (1895). Vozmozhno li pri sushchestvuyushchikh znaniyakh i dannykh o Sibiri opredelit' kolichestvo svobodnykh, godnykh i udobnykh zemel' dlya kolonizatsii [If it is possible to determine the number of free, suitable and convenient lands for colonization with existing knowledge and data on Siberia]. *Zapiski ZSIRGO*. Knizhka XVIII. Vypusk II. Омск: Tipografiya Okruzhnogo Shtaba. [in Russian].
- Kozybaev, 2000** – Kozybaev M. (2000). Kazakhstan na rubezhe vekov. Kn. 1. Pamyat' naroda. [Kazakhstan at the turn of the century. Book. 1. The memory of the people]. А.: Fylym. 418 p. [in Russian].
- Kusaiynuly, 2001** – Kusaiynuly K. (2001). Chitaya dokumenty o kazakhstansko-rossiiskikh otnosheniyakh XVIII–XIX vekakh [Reading documents on the Kazakh-Russian relations of the XVIII–XIX centuries]. Almaty: Daneker. 140 p. [in Russian].
- Lur'e, 1999** – Lur'e S.V. (1999). Evraziya: problemy sosledstva kul'tur i mezhkul'turnogo vzaimodeistviya [Eurasia: Problems of Cultures and Intercultural Interaction Neighborhood]. *Vestnik Evrazii*. № 1-2. pp. 20-37 [in Russian].

- Maltusynov, 2006** – *Maltusynov S.N.* (2006). Agrarnyi vopros v Kazakhstane i Gosudarstvennaya дума Rossii. 1906-1917 gg. (Sotsiokul'turnyi podkhod) [The agrarian question in Kazakhstan and the State Duma of Russia. 1906-1917 years. (Sociocultural approach)]. Almaty: Daik-Press. 332 p. [in Russian].
- Obzor, 1889** – Obzor Semipalatinskoi oblasti za 1888 god. [Review of the Semipalatinsk region for 1888]. Semipalatinsk, 1889. [in Russian].
- Olkott, 1997** – *Olkott M.B.* (1997). Kazakhi [Kazakhs] / Iz istorii kazakhov. Sostavitel' E. Akkoshkarov. Almaty: Zhalyn. pp. 303-336 [in Russian].
- Osipova, 1985** – *Osipova O.A.* (1985). Amerikanskaya sotsiologiya o traditsiyakh v stranakh Vostoka [American sociology about traditions in the countries of the East]. M.: Nauka. 235 p. [in Russian].
- Otchet, 1899** – Otchet o deyatelnosti Zapadno-Sibirskogo otdela RGO za 1898 god. [Report on the activities of the West Siberian Division of the RGO for 1898]. Omsk: Tip. Okr. Shtaba. 32 p. [in Russian].
- Polyanskii, Zhamin, 1986** – Ekonomicheskaya istoriya kapitalisticheskikh stran [The Economic History of the Capitalist Countries] / Pod red. F.Ya. Polyanskogo, V.A. Zhamina. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta. 358 p. [in Russian].
- Raion zheleznoi, 1914** – Raion zheleznoi dorogi Spasskii zavod – Pishpek v ekonomicheskom otnoshenii [District of railroad Spassky plant – Pishpek economically]. SPb: Tip. A.F. Dresslera. 270 p. [in Russian].
- Sirius, 1928** – *Sirius M.* (1928). K voprosu o naibolee ratsional'nom napravlenii sel'skogo khozyaistva v Severnom Kazakhstane [On the question of the most rational direction of agriculture in Northern Kazakhstan]. *Narodnoe khozyaistvo Kazakhstana*. № 6-7. pp. 15-36 [in Russian].
- Suleimenov, 1963** – *Suleimenov B.* (1963). Agrarnyi vopros v Kazakhstane poslednei treti XIX – nachala XX vekov (1867–1907 gg.) [The agrarian question in Kazakhstan of the last third of the XIX – early XX centuries (1867–1907)]. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR. pp. 176-162 [in Russian].
- Sundetov, 1970** – *Sundetov S.A.* (1970). O genezise kapitalizma v sel'skom khozyaistve Kazakhstana na materialakh severo-vostochnykh oblastei [On the genesis of capitalism in agriculture in Kazakhstan on the materials of the north-eastern regions]. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR. 127 p. [in Russian].
- Tresvyatskii, 1917** – Materialy po zemel'nomu voprosu v Aziatskoi Rossii. Vyp. 1. Stepnoi krai. [Materials on the land issue in Asian Russia. Issue 1. Steppe edge]. Sostavitel' V.A. Tresvyatskii. Pg., 1917. 135 p. [in Russian].
- Tuleuova, 2012** – *Tuleuova B.T.* (2012). Adaptatsiya kazakhskogo obshchestva Tsentral'nogo Kazakhstana k rynochnym usloviyam vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov [Adaptation of the Kazakh society of Central Kazakhstan to market conditions in the second half of the XIX – early XX centuries]. Karaganda: Izd-vo KarGU. 193 p. [in Russian].
- Khvorostanskii, 1907** – *Khvorostanskii P.* (1907). Kirgizskii vopros v svyazi s kolonizatsiei stepi [Kirghiz issue in connection with the colonization of the steppe]. *Voprosy kolonizatsii*. № 1. pp. 53-103 [in Russian].
- Khozyaistvo kazakhov** – Khozyaistvo kazakhov na rubezhe XIX–XX vv. (Materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu) [Kazakh economy at the turn of the XIX–XX centuries. (Materials for the historical-ethnographic atlas)]. Pod red. G.V. Dakhshleigera. Alma-Ata: Nauka, 1980. 254 p. [in Russian].
- Parsons, 2010** – *Parsons T.* (2010). The Rule of Empires. Oxford. Oxford Univ. Press. 496 p.
- TsGA RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Chermak, 1908** – *Chermak L.* (1908). Formy kirgizskogo zemlepol'zovaniya [Forms of Kyrgyz land use]. *Sibirskie voprosy*. № 41-42. pp. 4-11 [in Russian].
- Shmidt, 1894** – *Shmidt Yu.* (1894). Ocherk kirgizskoi stepi k yugu ot Aralo-Irtyshskogo vodorazdela v Akmolinskoj okruge [An outline of the Kirghiz steppe to the south of the Aral-Irtysh watershed in Akmola district]. *Zapiski ZSO RGO*. Knizhka XVIII. Omsk: Tip. Okruzh. Shtaba. pp. 1-149 [in Russian].
- Yadrintsev, 1892** – *Yadrintsev N.M.* (1892). Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnosheniyakh [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical relations]. SPb.: Tip. I.N. Skorokhodova. [in Russian].

УДК 93(37)06:94(47)07

Процесс адаптации традиционного общества и империи (на примерах Римской и Российской империи, казахов и галло-германцев)

Вячеслав Владимирович Горовой ^{a, *}, Бахытгуль Тлеубаевна Тулеуова ^a,
Гульнара Муратбековна Смагулова ^a, Гульнара Ералиевна Ибрагимова ^b

^a Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан

^b Евразийский национальный университет им Л.Н. Гумилева, Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gylnara2005@mail.ru (В.В. Горовой), b_t_tuleuova@mail.ru (Б.Т. Тулеуова); gylnara2005@mail.ru (Г.М. Смагулова); dilnura@mail.ru (Г.Е. Ибрагимова)

Аннотация. В статье рассматривается опыт компаративистского сравнения взаимодействия традиционных обществ с исторически начинающей и для второго тысячелетия завершающей империями. Таковыми являются традиционные общества галло-германцев и казахов. Империей начинающей является Римская империя, завершающей – Российская империя. Адаптационные характеристики галло-германцев из Рима эпохи империи представлены историческими выводами. Для Российской империи и традиционного общества казахов выводы сделаны на основе формирования рыночных отношений. Причинами адаптационных взаимосвязей Римской империи и галло-германцев был опыт завоевания, причинами взаимосвязей Российской империи и казахов был опыт не только завоевания, но и установление рыночных отношений. Механизмами адаптационных отношений галло-германцев и Римской империи был образ укладности расцвета и кризиса античных рабовладельческих отношений. Организм адаптационной взаимосвязей казахов и Российской империи был прогрессивно усложнен развитием скотоводства и земледелия, включения казахов не только в административную систему Российской империи, но и в торгово-экономическую схему взаимодействия купечества и актива казахского общества, усваивающего новизну экономики.

По мнению авторского коллектива, намечена основная линия прогрессивного сравнения двух адаптационных схем: галло-германцев и Римской империи; казахов и Российской империи. Примитивизм цивилизационного характера адаптации в рабовладельческой древности сменяется заинтересованностью экономических слоев в Российской империи. Вместе с тем авторский коллектив считает необходимость дальнейшего сравнения адаптационных схем в первом и во втором случаях в плане рассмотрения экономических функций, которые сильнее проявляются для второй схемы адаптации и слабее для адаптационных характеристик галло-германцев и Римской империи.

Ключевые слова: адаптация, Римская империя, племя и община, Российская империя, Казахстан, хозяйствование.